ОТ ТАНЖЕРА до Тетуана около 50 километров. Поездка на автобусе занимает всего час, но за это время можно узнать много интересного об этих краях.

Дорога лентой вьется в отрогах Рифа. За окном автобуса мелькают пейзажи Северного Марокко, напоминающие наш Кавказ. Рощи пробкового дуба сменяются зарослями атласского кедра. Навстречу нам попадаются крестьяне окрестных деревень. Широкие шляпы типа сомбреро прикрывают их лица от жгучего горного солнца. На плечах джеллаба — длинная шерстяная блуза без рукавов, надеваемая через голову. Крестьяне погоняют серых осликов, нагруженных хворостом, фигами, апельсинами и другой кладью. Жители окрестных деревень спешат в Танжер на базар. Иногда привычный горный ландшафт нарушает вид убогих крестьянских хижин. Рядом с хижинкой клочок зем-

мешиков землю на основе «хаммесата», по которому арендатор обязан отдавать помещику до 80 процентов урожая.

УГРОЖАЮЩЕЕ СОСЕДСТВО

В нескольких километрах от Танжера мы проехали мимо покосившегося полосатого столба. Это своего рода исторический памятник. Когда-то он обозначал границу между бывшей испанской зоной Марокко и международной зоной. Север Марокко по Фесскому договору 1912 года отошел к Испании. Потомкам конквистадоров пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением свободолюбивых горцев. В 1921 году в этих краях испыхнуло восстание племен Рифа против испанских войск.

Восстание было подавлено, но семена, посеянные им, не погибли. Они дали обильные всходы в 50-х годах нынешнего столетия, когда по всему Марокко с небывалой силой развернулась борьба за свободу. На этот раз борьба увенчалась успехом. В 1956 году испанская зона Марокко получила независимость и воссоединилась с королевством Марокко, сбросившим узы французского господства. Впрочем, страна освобождена еще не полностью: испанцы сохраняют власть в марокканских городах Сеуте и Мелилье и нескольких других пунктах побережья.

В. СИДЕНКО

— Почему франкисты цепляются за эти клочки земли? — спрашиваем мы у гида Мохаммеда Чиуа, сопровождающего нас в поездке по Марокко.

— В портах Сеуты и Мелильи, — отвечает он, — расположены крупнейшие военно-морские базы Испании, которыми пользуются и державы НАТО. Соседство с этими базами доставляет правительству Марокко много хлопот. Под прикрытием баз испанские рыболовные суда занимаются браконьерской рыбной ловлей в территориальных водах Марокко, а военные корабли Испании обстреливают шхуны марокканских рыбаков, осмеливающихся приблизиться к Сеуте или Мелилье. В Рабате отдают себе отчет и в том, какую угрозу независимости Марокко представляют эти военные базы. В стране разворачивается широкое движение за изгнание колонизаторов из Сеуты и Мелильи.

КЛЮЧЕВАЯ КРЕПОСТЬ

Слушая рассказ гида, мы не заметили, как горы расступились, и в долине, открывшейся перед нами, возник город. Он был такой ослепительной белизны, что казался выточенным рукой искусного умельца из целого куска алебаstra.

Это Тетуан, пожалуй, самый арабский из всех арабских городов, виденных нами в Марокко!

Со склона горы Джебель-Дерса открывается панорама города. Отсюда хорошо видны две его части: восточная, старая, и западная, европейская. По внешнему виду они резко отличаются друг от друга, причем этот контраст не смягчается, а, напротив, усиливается, чем ближе познакомишься с городом. Европейская часть Тетуана невелика по размерам и напоминает, пожалуй, города южной

«СМОТРИ В ОБА!»

ли, на котором хозяин, всем телом налегая на деревянную соху, прокладывает борозды. Соху тянут буйвол или верблюд, лениво ступающие по взрытой красной земле.

Примитивные жилища, первобытные орудия труда, бедность. Дорога словно уводит нас далеко в прошлое...

Что же держит марокканского крестьянина в вековой бедности, исхода из которой он, кажется, и не видит?

Может быть, бесплодная земля? О нет! Редко где в Африке найдется столь плодородная, как здесь, почва, дающая обильные урожаи цитрусовых, винограда, яблок и других фруктов, а также пшеницы, ячменя, кукурузы. Слава марокканского винограда, выращиваемого в этих краях, настолько велика, что французские торговцы выдают местное вино за привозное из всемирно известных погребов Бордо.

Может быть, лень, безынициативность марокканского крестьянина? Так утверждать могут только те, кто не видел этих тружеников за работой.

В чем же тогда дело? Ответ на этот вопрос пришел несколько позднее, когда я встретился с представителем Марокканского союза труда — крупнейшего профсоюзного объединения страны, редактором рабочего еженедельника «Авангард».

— Корень бед марокканского крестьянства, — сказал он, — в существовании многих пережитков колониального прошлого в деревне. Наиболее плодородные почвы принадлежат европейским колонистам и местным помещикам. Средний надел крестьянина около двух-трех гектаров. Четверть всего сельского населения — безземельные или малоземельные крестьяне, вынужденные арендовать у по-

Испании или Франции с их легкой архитектурой, многочисленными кафе и ресторанами, современными магазинами, множеством автомашин. Отовсюду слышна испанская и французская речь. Не здесь ли возникло крылатое выражение, что Африка кончается на Пиренеях, а Европа — в Марокко?

Совсем по-другому выглядит старый город, или Медина, скруженная древней каменной стеной. Когда-то весь город умещался здесь. Известка, покрывающая стену, местами осыпалась, обнажив кирпичную кладку. В стене семь железных ворот, окрашенных в зеленый цвет. Главные из них — Ворота королевы, сквозь которые течет непрерывный поток народа. По широкой выщербленной лестнице мы следуем за этим потоком и сразу попадаем в мир, словно перенесенный сюда из сказок Шах-разады. Кривые улочки, множество лавчонок, оживленная шумная толпа. На первый взгляд она однородна, но постепенно открывается множество различий в одежде и лицах, которые позволяют определить национальную принадлежность жителя города.

Вот идет араб, облаченный в бурнус. На голове у него красная феска — «тарбуш». Он тянет за собой осла, увешанного корзинами, и монотонно повторяет: «Балек, балек!» (берегись): улицы столь узки, что двум повозкам невозможно разойтись. За ним семенит его жена, лицо которой прикрыто прозрачной чадрой из шифона. Ее нельзя спутать с обитательницами окрестных берберских деревень, те не закрывают лиц и носят большие шляпы, отделанные яркой каймой.

...Тетуан был основан в IX веке. Через пять столетий город был превращен в ключевую крепость, охранявшую подступы к древней столице Марокко — Фесу. Тогда родилось и нынешнее название города «Тит-таун», что на народном берберском диалекте означает «смотри в оба!» Впоследствии он стал резиденцией наместника марокканского султана. После захвата города испанцами Тетуан стал главным городом бывшей испанской зоны Марокко, хотя формально он сохранял еще некоторые внешние атрибуты самостоятельности.

В центре Медины расположен «сук» — арабский базар. Здесь всегда много народа. В продовольственном ряду — груды апельсинов и орехов, пшеница, ячмень, спаржа, изюм, фасоль. В посудном — изобилие кастрюль, пузатых чайников и медных кувшинов тонкой ручной чеканки, глиняные амфоры, горшки. Связки узорчатых сумок и кошельков из зеленого сафьяна, кожаных туфель, расшитых бисером, гирлянды ожерелий, браслетов предлагают торговцы галантерейными товарами. А вот текстильные ряды, знаменитые своими тканями, коврами ручной работы, — настоящая выставка марокканского ремесла!

На рынке есть и крупные магазины, в которых можно найти самые разнообразные товары — от американских авторучек до старинного мушкета с инкрустацией.

Окинув вас опытным взглядом, хозяин обычно сразу определяет, насколько серьезны ваши намерения. Если он убеждается, что перед ним солидный покупатель, он хлопает в ладоши, и перед вами появляется мальчик с медным подносом, уставленным маленькими стаканчиками с чаем. В каждом стаканчике — пахучий темно-зеленый листок мяты. Мятный чай хорошо утоляет жажду, и его здесь очень любят. Чаю пьют помногу, и вы должны, если не хотите обидеть хозяина, выпить не менее трех стаканчиков этого крепкого, пряного напитка.

Торг длится долго. Продавец обычно запрашивает втридорога, но, поторговавшись, вы можете за сравнительно небольшую цену стать обладателем искусно выделанной сумки или старинного кинжала, симпатичной фигурки лягушонка, выкованного из железа, или какого-нибудь другого сувенира...

Где же и как рождаются эти вещи?

«КУЗНИЦА ТАЛАНТОВ»

Красивое, похожее на восточный дворец здание с высокими дверями встречает нас прохладой и полумраком. Мы — в правительственной школе ремесел. Сегодня праздник, дети не учатся, и нам позволили осмотреть это заведение, где ребяташки, начиная с пятилетнего возраста, обучаются искусству ковроткачества, мозаики, обработки кожи и чеканки по металлу.

Входим в один из цехов. Большая комната с высоким потолком уставлена ткацкими станками. На них мягкие пушистые ковры, сделанные на три четверти или наполовину. Коврами различной расцветки увешаны и стены. Это образцы творчества учащихся. Детей учат не только умению работать на станках, но и еще более важному искусству — подбирать рисунки для ковров. В каждом районе страны существуют свои излюбленные узоры и цвета, по которым знаток может легко определить, где и кем сделан этот ковер. Метр ковра стоит довольно дорого — 10—15 долларов, то есть столько, сколько зарабатывает иной рабочий за месяц.

Миновав внутренний дворик, утопающий в зелени померанцев, пальм и рододендронов, мы оказываемся в помещении, где рождается удивительное искусство мозаики, видим небольшие, покрытые цветной глазурью камешки различной формы — квадратные, ромбовидные, звездчатые. Это те самые камни, которые позднее лягут замысловатым узором на стены домов и минаретов, поражая посетителей игрой красок и богатой фантазией их авторов.

Поразительное впечатление оставляют также изделия юных скорняков и чеканщиков по металлу.

С чувством восхищения перед марокканским народным искусством мы покидали эту «кузницу талантов», как часто называют в Марокко тетуанскую школу ремесел.

ВЕЧЕР В ТЕТУАНЕ

Наш приезд в Тетуан совпал с началом рамадана — месяца поста. Религиозные предписания требуют, чтобы мусульманин в течение этого месяца ничего не ел от восхода до захода солнца. Вот почему в день нашего прибытия мы обнаружили, что все кафе, харчевни и рестораны, обслуживающие мусульман, закрыты, а на кованых дверях висят тяжелые замки. Только после вечерней молитвы открываются многочисленные харчевни, и тесные коридоры улиц наполняются запахом шашлыка, лепешек, сладостей, звуками арабской музыки, стуком игральные костей. До поздней ночи не стихает шум в Медине. Но веселятся, правда, далеко не все. Для многих вечерние часы — время работы.

В стране растет сеть школ и колледжей, открывающих двери для юных граждан независимого Марокко. Приближается время, когда дети марокканцев смогут спокойно учиться, отдыхать, играть. С верой в это мы и покидали Тетуан.